

Редколлегия альманаха «Буддологические исследования» представляет вниманию читателей доклад настоятеля Усть-Ордынского дацана «Тубдэн Даржелин» З. Б. Батуева, в котором показан внутренний взгляд буддийского деятеля на отношения царской власти и буддийской церкви. Затронутые в этой статье вопросы раскрывают малоизвестные в науке факты распространения буддизма в Прибайкалье, причины распространения, отношение власти к буддизму. Указанная проблема представляется весьма интересной и перспективной в плане дальнейшего исследования истории буддизма в России. Редколлегия выражает надежду, что поставленные в докладе проблемы найдут отражение в следующих выпусках альманаха в более углубленном и расширенном варианте.

УДК 24-9

DOI 10.31554/978-5-7925-0545-2-2018-1-100-103

З. Б. Батуев¹

БУДДИЗМ В ПРИБАЙКАЛЬЕ

Рассматриваются взаимоотношения правительства России и буддийской церкви в XIX – начале XX в. Вскрываются причины лояльного отношения власти к буддийскому духовенству, политические факторы, создавшие благоприятные условия для распространения буддизма в Прибайкалье. Показана роль буддизма как фактора консолидации бурятского народа в период его присоединения к России.

Ключевые слова: буддизм, государство, политика, буряты, вера, взаимоотношения, вероисповедание.

Z. B. Batuev

BUDDHISM IN PREBAIKAL REGION

The article discusses the relationship between the Russian government and the Buddhist church in the XIX – beg. XX century. Reveals the reasons for the loyal attitude of the authorities to the Buddhist clergy, political factors that created favorable conditions for the spread of Buddhism in the Baikal region. The role of Buddhism as a factor of consolidation of the Buryat people in the period of its accession to Russia is shown.

Keywords: Buddhism, state, politics, Buryats, faith, mutual relations, religion.

Внутригосударственная политика Российского государства, неотъемлемой и составной частью которой является ее вероисповедная политика, строилась не на стремлении к достижению религиозной идентичности подданных, а на применении различных мер, направленных на недопущение внутри всех исповеданий кардинальных изменений, каких-либо расколов, т. к. это создавало угрозу государственной и общественной безопасности, общественно-политической

¹ Батуев Зоригто Баирович – ширетуй-лама, Усть-Ордынский окружной дацан «Тубдэн Даржелин», Иркутская область, пос. Усть-Ордынский, Россия.

стабильности. Эта консервативно-охранительная направленность в вероисповедной политике привела к созданию мощной системы государственно-правового регулирования и контроля религиозной сферы жизни общества.

Сила российской государственности заключалась в опоре на народ, в том числе на бурятский, приобретающий благодаря буддизму особую нравственность, силу духа и необыкновенную мощь.

Вероисповедная политика Российского государства строилась в бурятском обществе на применении различных мер, направленных на создание общественно-политической стабильности. Таковая стабильность должна была привести к созданию единой вероисповедной модели бурят как идеологической основы единого бурятского народа.

Эта имперская консервативно-охранительная направленность в вероисповедной политике привела к созданию эффективной системы взаимодействия Российского государства и буддизма. Учрежденный в 1832 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) МВД Российской империи являлся уникальным и не имеющим аналогов в мире специализированным органом, который на протяжении десятков лет обеспечивал реализацию государственной вероисповедной политики на основе принципа веротерпимости в соответствии с нормами уставов духовных дел иностранных исповеданий.

Особо отметим, что в России, несмотря на все сложности внутренней и внешней политики, не было допущено масштабных общественных катаклизмов на религиозной почве. Нам представляется, что изначально отвергнутое желание распространять буддизм западнее оз. Байкал впоследствии было пересмотрено в силу политической воли правящих российских царей и стремления к расширению религиозной идентичности на всем пространстве великого государства. На то оно и великое, что должно было учитывать интересы всех своих подданных, не в ущерб остальным. То есть буряты должны были осознавать себя бурятами, в том числе и в понимании своей этнической религии. Принятый, а не просто декларируемый манифест 1905 г. «О свободе вероисповедования» являлся и стал именно выразителем политической воли правящего царя во внутрирелигиозной государственной практике.

Необходимо иметь в виду, что в условиях российской авторитарной политической традиции всякая церковь всегда рассматривалась как гарант общественной стабильности и целостности Российского государства и лишь во вторую очередь – как особый носитель той или иной духовности, истинной веры. В российских условиях Прибайкалья буддизм укреплял этническое, национальное самосознание бурят, к тому времени родоплеменное, и способствовал формированию бурятского этноцентризма, служившего фактором изоляции и обособления бурятского народа от монгольского мира. Тем самым буддийская религиозность, соединившись с идеей этнической бурятской исключительности, привела к тому, что национальная рознь между общепурятским и всемонгольским миром усиливается рознью буддийской религиозности.

Необходимо отметить, что созданное к середине XIX в. вероисповедное законодательство, закрепившее принцип веротерпимости, позволяло безболезненно интегрироваться отдельным бурятским родам в буддизм, тем самым включая их в рамки государственно-правовой системы, обеспечивающей их защиту.

При оценке соотношения буддизма и политики в Прибайкалье представляется целесообразным обратить внимание на имевший место процесс неприятия между обозначаемыми нами наметившимися к тому времени тенденциями «традиционализмом» и «модернизмом» в развитии буддизма. Представляется, что изначально создание аларского «Даші Чойнхорлінг» дацана было обусловлено тем, что традиционалисты декламировали дацан как определенную динамичную константу, в то время как социокультурное пространство Прибайкалья требовало буддийскую структуру, обладающую возможностью принимать адекватную форму под воздействием социокультурной среды и внешних факторов в области ее деятельности, т. е. родоплеменную. Учет таковых, на наш взгляд, и был сделан великим А. Доржиевым при создании дацанов в Кырме и на Ольхоне. Кроме этого он основал Унгинский дацан (в Нукутах), Муринский дацан в Алужино (под Усть-Ордой). Это была линия, охватившая с юга на север территорию проживания иркутских бурят – от Оки до Качуга. Именно в те годы после принятия закона о свободе совести 1905 г. иркутские буряты стали массово переходить в буддизм. Кырминский дацан и стал самой северной точкой, откуда буддизм мог распространяться в Верхоленье.

Дацан в Прибайкалье как институциональный комплекс в процессе социальной дифференциации, появившись в небуддийском окружении, был лишен прежнего значения компетентной инстанции, организующей определенные сферы жизни. Феномен «прибайкальский дацан» в рамках философско-социологической терминологии мы рассматриваем как важнейший институт буддизма прежде всего в традиционном бурятском обществе.

При определении функционирования института дацанства в прибайкальской бурятской среде, которая выступает в качестве основного института религиозной социализации, т. е. усвоения буддийских ценностей и норм, подчеркнем, что влияние на данный процесс оказывали как собственно религиозные, так и светские, в том числе и бурятские, традиционные институты (семья, род и т. д.).

Определенного рода легкость принятия прибайкальскими бурятами новой религии была связана с широко пропагандируемыми самими буддистами сведениями об официальном признании императорами России этой новой религии как государственной, имперской. И, конечно же, признанием российских императоров земным воплощением буддийского божества.

Безусловно, существовала сложность полного разрыва со старой, веками устоявшейся религиозно-культурной традиционной практикой. И в этом случае внутренняя политика государства была на стороне буддизма.

Подчеркнем, что усугубляющая духовная анемия бурятского общества, вызванная кризисами в экономике и социальной обыденной жизни, подрывая устоявшуюся религиозно-культурную и профанную жизнь буряты, тем самым лиша-

ла его возможности вхождения в новую социально-экономическую реальность. Российская империя предоставляла бурятам прекрасную возможность адаптироваться к новой реальности через принятие ими новой, буддийской, религии, которая, в свою очередь, не предпринимала кардинальных действий по коренному разрушению устоявшего старого, т. е. традиционной бурятской духовности Прибайкалья.

Безусловный интерес империи к принятию бурятами буддизма заключался и в том, что новая религия очень четко формировала бурятское представление о государственном устройстве Российской империи, как божественно определенной, где во главе могут располагаться земные воплощения божеств. Представляется, что таковым и было эффективное сотрудничество империи и буддизма во внутренней политике на пространстве Прибайкалья. Именно внутренняя социальная политика обеспечивала прибайкальским бурятам, пришедшим в буддизм, поддержку, утешение и помощь.